

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(2): 587-596
 DOI: 10.13187/bg.2026.2.587

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Problematic Aspects of Infrastructure Development and Administrative Structure of Central Russian Cities on the Eve of Catherine the Great's Reforms

Pavel S. Seleznev ^{a,*}, Semyon A. Vuymenkov ^a, Valery N. Belik ^a

^aFinancial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

This paper analyzes the state of the infrastructure and administrative system of cities in Central Russia in the mid-18th century, on the eve of Catherine the Great's large-scale reforms. The study employs elements of comparative, structural, and descriptive analysis, and draws on previously unpublished materials from the Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). The data obtained allow us to examine the development of small and medium-sized cities during this period through the lens of institutional inertia and path dependence, consistent with modern approaches to institutional theory. It is shown that by the early 1760s, cities were undergoing a complex transformation shaped by the long-term consequences of the socioeconomic and administrative reforms of Peter the Great's era, as well as the broader cycles of urbanization and state building characteristic of 18th-century Russia. Cities gradually lost their status as instruments of military and political control and began to emerge as administrative centers, but their institutional maturation remained incomplete. Significant infrastructural limitations, personnel shortages, and weak administrative institutions hinder the solution of basic urban governance tasks: dismantling functional fortifications, developing transport and social infrastructure, and modernizing fire protection and law enforcement systems. The study demonstrates that the urban crisis was systemic and structural in nature, largely predetermined by the accumulation of institutional dysfunctions and the inadequacy of urban institutions to new economic and spatial realities. This justifies the radical provincial reform of 1775, aimed at overcoming accumulated institutional inertia. In a broader context, the study's results reveal historical parallels with the contemporary problems of small Russian cities: limited administrative capacity, fragmented infrastructure, functional uncertainty, and demographic vulnerability – characteristics that are still captured by modern methods of analyzing urban dynamics.

Keywords: small towns, Central Russia, 18th century, Catherine II, infrastructure, administrative structure, institutional inertia, economic cycles, spatial development, previous path.

1. Введение

Как правило, при изучении истории российских городов XVIII в., внимание исследователей концентрируется на изучении либо петровских преобразований, либо губернской реформы 1775 г. События, процессы и явления, относящиеся к середине столетия, исследуются скорее по остаточному принципу.

Естественным следствием этого становится, с одной стороны, сокращение объема значимой информации как относительно долгосрочных последствий реформ начала XVIII в., так и мотивации, логики и стартовых условий екатерининских преобразований. Что зачастую препятствует полноценной реконструкции и интерпретации соответствующих событий.

* Corresponding author

E-mail addresses: pseleznev@fa.ru (P.S. Seleznev), savujmenkov@fa.ru (S.A. Vuymenkov), vnbelik@fa.ru (V.N. Belik)

Следует учесть и то, что траектории развития городов в принципе определяются не только текущими социально-экономическими условиями, но и глубинными историческими механизмами институциональной инерции. Малые города России демонстрируют один из наиболее ярких примеров длительного институционального следствия: многие ограничения, зафиксированные в XVIII веке – административная фрагментация, низкая обеспеченность инфраструктурой, функциональная неопределенность и демографическая уязвимость – продолжают воспроизводиться в XXI в.

Институты изменяются медленно, а их свойства обладают высокой степенью устойчивости во времени. Такая зависимость от предшествующего пути формирует «длинные тени истории», влияющие на современные урбанистические процессы.

Развитие российской городской сети отражает структуру долгосрочных исторических волн, включающих циклы централизации, индустриализации, кризисов и цифровой трансформации.

Целью представленного исследования является сокращение масштабов указанных лагун в степени изученности темы за счет изучения таких аспектов развития российских городов XVIII в., как состояние инфраструктуры и административной системы.

В качестве кейса исследования выбраны города Центральной России – наиболее густонаселенного региона империи, в границах которого функционировала наиболее плотная сеть городов, включая один из двух крупнейших центров урбанизации на общегосударственном уровне – Москву.

2. Материалы и методы

Источниковая база исследования была сформирована за счет привлечения ранее не опубликованных делопроизводственных материалов, хранящихся в фондах Российского государственного архива древних актов (Москва, Российская Федерация). Указанные материалы затрагивают вопросы развития городов Московской, Владимирской, Калужской и Ярославской губерний. К ним относятся документы канцелярий генерал-губернаторов и губернаторов, отчеты и деловая переписка глав местных органов управления, обзоры текущего состояния губерний и расположенных на их территории городов в конкретные периоды, проекты решений, предписаний и инструкций центральных органов власти, а также материалы ревизий, доклады Сената и генерал-прокуроров. Соответствующий корпус источников был сформирован за счет обращения к материалам фондов коллекции Государственного архива Российской империи по вопросам внутреннего управления (хранящейся в РГАДА) и Сысского приказа.

Методологическая основа исследования была выстроена путем сочетания элементов структурного, сравнительного и дескриптивного анализа. Применение структурного анализа дало возможность выделить и выстроить в рамках единой системы базовые элементы городской инфраструктуры и системы управления. Равным образом его применение позволило выделить основные этапы и направления в рамках анализа степени изученности темы. Использование сравнительного анализа дало возможность сопоставить состояние изучаемых городов в рассматриваемый период с типовой моделью города нового времени, а также рассмотреть в диахронном ключе трансформацию инфраструктурной среды и административной системы городов. Дескриптивный анализ позволил интегрировать описание всех элементов предмета исследования, проследить их системное взаимодействие и интерпретировать состояние городов на разных этапах исследуемого периода с учетом конкретноисторического контекста.

3. Обсуждение

В дореволюционной историографии тема активно исследовалась в формально-юридическом ключе. При этом внимание акцентировалось на содержании нормативно-правовых актов, а не на правоприменительной практике (Голубев, 1884; Григорьев, 1910; Дитятин, 1875; Кизеветтер, 1909; Малиновский, 1992). Также источниковый материал вводился в научный оборот за счет освещения истории развития культурной инфраструктуры городов (Александров, 1879; Асонов, 1911) и в порядке подготовки справок к статистическим очеркам (Герман, 1808). При этом проведение исследований существенно затруднял разрозненный характер размещения делопроизводственных материалов в архивах: зачастую документы ошибочно помещались в фонды, относящиеся к иным органам власти и территориям, следствием чего становилось возникновение существенных лагун и барьеров для проведения компаративного анализа источников. Ситуацию также существенно осложняли значимые недостатки функционирования архивных учреждений, обусловленные отсутствием комплемантарной финансовой и кадровой базы.

Таким образом, в рамках работ дореволюционных авторов были решены базовые задачи источниковедческой эвристики темы. В то же время на данном этапе развития историографии темы были сравнительно мало освоены связанные с нею пласты архивных материалов, что способствовало возникновению значимых пробелов в изучении темы. Также для исследований данного периода характерно преобладание работ формально-юридического профиля, авторы которых фокусировали внимание на изучении законодательных актов, исследуя их реализацию на практике скорее по остаточному признаку.

Для работ советского периода характерно смещение фокуса внимания исследователей в сторону изучения социально-экономических процессов в городах, в первую очередь – в контексте вопросов о трансформации классовой структуры и развития торговли (Клокман, 1960; Клокман, 1967; Миронов, 1990; Рындзюнский, 1958a; Рындзюнский, 1958b; Рындзюнский, 1976) и эволюции градостроительства (Сытин, 1954; Кириллов, 1980). Также тема получила освещение в рамках краеведческих изысканий (Истомина, 1972; Сытин, 1952; Тиц, 1969; Федотова, 1987) и изучения развития городской правоохранительной системы (Гернет, 1951). При этом ключевое значение придавалось изучению практики реализации инициатив центральных органов власти на местах сквозь призму сравнения делопроизводственных документов разных уровней и с учетом контекста социокультурной динамики.

Среди достоинств работ данного периода можно отметить концептуальность, использование широких комплексов источников (включая археологические данные) и повышенное внимание к роли институтов. В то же время необходимо отметить и наличие существенных недостатков, связанных с необходимостью следовать историографической традиции правящей партии, а также использовать связанные с официальной идеологией теоретико-методологические подходы.

В постсоветский период заявленная тема изучалась преимущественно в рамках таких исследовательских направлений, как история повседневности (Акельев, 2012; Козлова, 2010; Куприянов, 2007; Миненко и др., 2006; Закурдаев, 2013) и изучения эволюции административных систем (Анисимов, 2006; Каменский, 2003; Писарькова, 2007; Морозов, 2012).

Было опубликовано множество исследований по истории конкретных городов (Пухов, 2015) или систем поселений отдельных регионов (Разгон, 1999; Симонова, 2005; Скубневский, Гончаров, 2003), а также работ, посвященных историографии темы (Андреев, 2003; Юркина, 2004).

В работах данного периода широкое освещение получил вопрос о роли неформальных институтов в развитии городов, было подробно изучено участие конкретных политических деятелей в планировании и реализации реформ и программ развития городов. За счет ввода в научный оборот широкого пласта ранее не опубликованных документов была существенно расширена источниковая база изучения темы. Последнее, помимо прочего, позволило существенным образом нивелировать влияние таких проблем в рамках исследования соответствующей проблематики, как рассеянный характер архивных материалов и смешение делопроизводственных документов органов власти разных губерний.

В то же время необходимо отметить достаточно небольшое число концептуальных, обобщающих исследований, а также наличие структурных перекосов в рамках освещения истории конкретных групп городского населения.

4. Результаты

К середине XVIII столетия российские города переживали период затяжной трансформации. Ключевой проблемой данного исторического отрезка являлась неопределенность самого типологического статуса города. Он еще не сформировался окончательно как административный центр периода нового времени и сохранял в себе черты укрепленного опорного поселения, его функции оставались размытыми, а инфраструктурная среда и административная система зачастую находились еще на стадии становления. Ситуация, сложившаяся к началу 1760-х годов, характеризовалась глубоким противоречием между потребностями развивающегося государства, нуждавшегося в эффективных опорных пунктах власти на местах, и реальным состоянием городской инфраструктурной и административной среды. Система городского управления, не обеспеченная релевантной ресурсной базой, объективно не справлялась с поставленными перед ней задачами, в особенности – в части поддержания и наращивания социально-экономического и культурного потенциала соответствующих поселений. Остро ощущалась потребность в создании современных управленческих институтов и формировании материально-технической базы, способных обеспечить выполнение городом его все более усложняющихся функций.

Анализ состояния городской сети Центральной России позволяет констатировать ее частичную стагнацию в период, непосредственно предшествовавший екатерининским реформам. На территории Волго-Окского междуречья насчитывалось 32 городских центра (включая Москву). Таким образом, численность городов по сравнению с началом столетия почти не изменилась (Анисимов, 2006: 152).

Характерной чертой городов того времени являлось сохранение милитаризированного характера поселений, утративших свое реальное стратегическое значение. Из упомянутой группы городов 20 поселений, несмотря на свое расположение вдали от зоны пограничья и потенциальных источников угрозы, продолжали содержать крепостные сооружения, гарнизоны и склады с вооружением и боеприпасами. Эта инерция военного прошлого преодолевалась крайне медленно, и окончательный отказ от содержания внутренних крепостей произошел лишь к самому концу XVIII в. (Дитятин, 1875: 10; РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 926. Л. 2–20б.)

Наличие фортификационных сооружений оказывало существенное влияние на морфологию города. Структура поселения формировалась вокруг укрепления, к которому примыкали «подгородные» слободы и села. По мере роста города эти территории обносились новыми поясами

стен, получая статус посадов. (Классическим примером реализации данного алгоритма эволюции городов является радиально-кольцевая планировка Москвы, сформированная последовательным развитием Китай-города, Белого и Земляного городов) (Григорьев, 1910: 17).

Однако к середине XVIII в. городские укрепления превратились в препятствие для пространственного и экономического развития. Стены и валы мешали естественному росту городского пространства, особенно для тех поселений, которые оказались в глубине территории страны и на практике утратили необходимость поддерживать оборонительные функции. Символическим завершением этого процесса стало превращение старых крепостных стен во многих городах в бульвары в конце XVIII в. Этот процесс во многом отображал семантический сдвиг в понимании термина «город» в России, переход от обозначения при помощи данной дефиниции укрепленного поселения к маркировке административного, экономического и культурного центра с особой социальной средой и заданным ею образом жизни (Каменский, 2003: 89; РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 568. Л. 125).

Система управления уездными и провинциальными городами Центральной России в середине XVIII в. сохраняла черты, присущие еще административной системе конца предшествующего столетия. Центральной фигурой в системе местной власти оставался воевода (данная должность была упразднена лишь 7 ноября 1775 г.). Несмотря на петровские реформы и введение магистратов как органов сословного самоуправления, их деятельность находилась под жестким контролем городской администрации. Государственная политика в отношении муниципальной автономии отличалась непоследовательностью: курс на ее расширение периодически сменялся существенным ограничением полномочий местных выборных органов (Клокман, 1967: 35-37).

При этом сфера компетенции воеводы была чрезвычайно широкой и охватывала практически все сферы жизни города: от осуществления административно-полицейского надзора и проведения судебных разбирательств до контроля за сбором налогов и охраны природных ресурсов (в случае Центральной России в этом качестве выступали чаще всего заповедные леса на территории соответствующей юрисдикции). Кадровый состав воеводского корпуса формировался преимущественно за счет рекрутирования отставных военных. Как правило, речь шла о бывших офицерах, имевших чин не ниже полковника в случае административных центров провинций, и отставных капитанах и майорах в уездных городах (Миронов, 1990: 54).

Критическим фактором, снижавшим эффективность управления, являлся острый кадровый голод: немногочисленные штаты чиновников воеводских канцелярий были вынуждены обслуживать огромные территории, что создавало колоссальную нагрузку на местный бюрократический аппарат.

Так, штат Дмитровской воеводской канцелярии в 1730-е годы состоял всего из 16 человек, включая канцеляристов и копиистов. В Боровске персонал воеводской канцелярии насчитывал 12 сотрудников. Даже в относительно крупных центрах, близких к Москве, таких как, например, Серпухов, накануне губернской реформы 1775 г. управленческий аппарат, включая военную команду и служителей различных ведомств, не превышал 60 человек. При этом непосредственно канцелярским делопроизводством занималось чуть более десяти служащих (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 568. Л. 87, 91, 102).

Материально-техническая база системы городского управления также находилась в неудовлетворительном состоянии. Административная инфраструктура часто ограничивалась деревянными зданиями канцелярии и магистрата. Показательно, что даже высшие должностные лица уезда – воевода и его заместитель («товарищ») – зачастую не имели казенного жилья и были вынуждены снимать квартиры у местных жителей. Подобная практика, зафиксированная, например, в отчетах за 1775 г., была типичной для городов Центральной России и создавала почву для коррупции и зависимости власти от местного населения (Григорьев, 1910: 14, 15).

Город как экономический центр обязан был обеспечивать функционирование транспортной системы региона. Располагаясь на пересечении торговых путей и водных артерий, города несли ответственность за содержание мостов и переправ. Однако состояние этой критически важной инфраструктуры оставалось неудовлетворительным.

В большинстве городов, включая крупные торговые центры, отсутствовали постоянные мостовые сооружения. Например, в Ярославле мост через реку Которосль, связывавший город с московским трактом, был временным и ежегодно разрушался в период весеннего половодья, что приводило к регулярным перебоям в транспортном сообщении. В малых городах транспортная связность территорий в целом носила сезонный и крайне ненадежный характер (Дитятин, 1875: 27, 28).

Пожары представляли собой главную угрозу для безопасности и материального благосостояния жителей городов Центральной России середины XVIII в. Деревянная застройка, скученность населения и отсутствие должного административного обеспечения мер предосторожности приводили к тому, что огонь регулярно уничтожал целые кварталы и поселения. Несмотря на осознание угрозы, системные меры борьбы с огнем не предпринимались. В городах не существовало профессиональных пожарных команд. Тушение пожаров осуществлялось силами гарнизонов (при их наличии) и самих жителей, действовавших, как правило, стихийно, вне контекста какой-либо организационной модели. Техническое оснащение гарнизонов для борьбы с пожарами было явно недостаточным. Например,

во Владимире, являвшемся губернским административным центром, даже в 1781 г. весь пожарный инвентарь состоял из двух старых медных труб, которые в ходе проверки были признаны непригодными к использованию из-за ветхости (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 636. Л. 320б., 41, 42, 47–51).

Система пожарного надзора и предотвращения огня фактически отсутствовала. Жители, несмотря на постоянную угрозу потери имущества и жизни, не предпринимали превентивных мер по устранению причин возгорания, что свидетельствует о низком уровне культуры безопасности городского населения (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 582, ч. II. Л. 128).

Формирование регулярных полицейских органов, начатое Петром I, к середине XVIII в. так и не было завершено. Как отмечал новгородский наместник Я.Е. Сиверс, в управляемом им регионе полиция как организованная структура отсутствовала: ее сотрудники не имели ни постоянного жалованья, ни четкой ведомственной принадлежности (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 578, ч. III. Л. 143об.).

Даже в Москве имели место серьезные проблемы в плане организации и обеспечения работы полиции. Ревизии показывали, что личный состав столичной полиции комплектовался по остаточному принципу. Проверки вскрыли практику массового приема на службу иностранцев, включая выходцев из Молдавии, Валахии и Польши, что порождало конфликты с местным населением на этноконфессиональной почве (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 561. Л. 1, 2).

Государство перекладывало значительную часть полицейских функций на городские общины. Охрана правопорядка и благочиния осуществлялась на основе метода круговой поруки: домовладельцы были обязаны выставлять ночные караулы, устанавливать рогатки на улицах и следить за появлением подозрительных лиц. Жители, исполнявшие обязанности десятских и пятидесятских, на практике выполняли работу правоохранительных органов, вплоть до задержания опасных преступников (Голубев, 1884: 39, 40).

Институциональная слабость правоохранительной системы проявлялась и в состоянии ее материальной базы. Разбойный приказ – главный орган уголовного розыска – в начале столетия размещался в непригодных помещениях в центре города, а затем был переведен на окраину столицы в ветхие здания бывшего житного двора. Отсутствие нормальных условий работы напрямую сказывалось на эффективности борьбы с преступностью (Акельев, 2012: 19–24).

Попытки реформирования полиции предпринимались на протяжении всего столетия. Однако эти инициативы, как правило, ограничивались столицами и носили проектный характер. Инструкции для полиции («Пункты») были фрагментарными и не охватывали всего спектра ее задач. Из-за нехватки специализированных помещений заключенных часто содержали не в тюрьме-остроге, а в административных зданиях – секретарских и подъяческих палатах, что дезорганизовывало работу соответствующих учреждений (РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 2508. Л. 20б.).

Городская судебная система также характеризовалась низкой эффективностью. Практика судопроизводства XVIII в. была тесно связана с практикой искусственного затягивания сроков разбирательства. Дела рассматривались годами, а исполнение приговоров могло затягиваться на неопределенный срок. Даже Сенат был вынужден признавать факты чрезмерной бюрократической медлительности, когда дела осужденных оставались без движения годами (что подрывало авторитет власти) (Дитятин, 1875: 23).

Проблема низкого качества системы общественного призрения в городах стояла чрезвычайно остро. Крупные городские центры притягивали массы социально незащищенных людей в силу высокой степени концентрации потенциальных благотворителей. Однако система общественного призрения, базировавшаяся на церковной благотворительности и частных пожертвованиях, не обладала достаточными ресурсами. Монастыри, переориентированные Петром I на помощь отставным военным, также не располагали соответствующими материальными возможностями (Козлова, 2010: 54, 56, 90, 188, 189).

Богадельни, существовавшие при церквях или созданные меценатами (как в Ярославле), предоставляли зачастую лишь помещения для сна. Пропитание и одежду призреваемые должны были добывать самостоятельно, в основном подаением. В результате даже в богатых городах значительная часть социально незащищенных слоев населения, включая детей-сирот, не получала адекватной помощи. Единой государственной системы социальной помощи не существовало до екатерининских реформ (Козлова, 2010: 91).

Система здравоохранения в большинстве городов лишь начинала формироваться. Даже после учреждения врачебных должностей в ходе губернской реформы соответствующие вакансии оставались в течение длительного времени незамещенными из-за отсутствия достаточного числа специалистов. Следствием этого были частые эпидемии и высокий уровень смертности. Ситуация усугублялась низким уровнем санитарной культуры и невежеством горожан, которые порой активно сопротивлялись медицинским мерам, требуя удаления врачей из городов, как это отражено, например, в наказах Уложенной комиссии (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1012, ч. II. Л. 118).

Образование также носило фрагментарный и сословный характер. Школы открывались преимущественно по инициативе частных лиц или церкви и часто закрывались из-за отсутствия учеников или средств. Петровская система цифирных и гарнизонных школ к середине века пришла в

упадок. Наиболее стабильными образовательными учреждениями оставались духовные семинарии и немногочисленные гарнизонные школы (Анисимов, 2006: 155).

Москва выделялась на этом фоне наличием Университета (с 1755 года) и ряда специализированных школ, однако в масштабах Центральной России в целом возможности для получения образования были крайне ограничены. Острая нехватка образованных кадров тормозила развитие государственного аппарата и экономики, требуя от правительства системных решений, которые начали реализовываться лишь во второй половине столетия (Клокман, 1967: 72).

Внешний облик и санитарное состояние многих городов в середине XVIII века оставались архаичными. Москва, несмотря на столичный статус, сохраняла черты допетровской эпохи с хаотичной застройкой и отсутствием регулярной планировки. Отсутствие благоустройства усугублялось антисанитарией. Регулярный вывоз мусора не практиковался. Даже в центре Москвы, в том числе – у стен Кремля и в Китай-городе, регулярно скапливались горы отходов и навоза. Ревизии, проводившиеся перед высочайшими визитами, вскрывали факты крайней запущенности городских территорий, когда площади и входы в соборы были завалены мусором. В уездных городах крепостные рвы зачастую превращались в сточные канавы, а валы – в свалки (Дитятин, 1875: 12).

Городское освещение также только начинало организовываться на должном уровне. Обязанность освещать улицы возлагалась на жителей, которых принуждали выставлять свечи в окнах домов, выходящих на главные улицы. Это решение было неэффективным и ненадежным. Попытки обязать граждан ходить в темное время суток с фонарями были достаточно быстро прекращены по причине роста из-за пожарной опасности (РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 2505. Л. 41–43).

5. Заключение

Таким образом, к моменту восшествия на престол Екатерины II города Центральной России находились в состоянии трансформационного кризиса, охватывавшего все сферы городской жизни – от модели градостроительства до социального обеспечения.

Сама морфология городов региона мало соответствовала задачам экономического развития. Сохранение крепостных стен, рвов и валов в глубоком тылу не только не укрепляло безопасность городов, но и физически блокировало расширение их пространства и формирование правильной уличной сети.

Институт воевод, обремененный широчайшим спектром обязанностей, был малоэффективен по причине отсутствия должного ресурсного обеспечения. Административная система в целом страдала от отсутствия релевантной кадровой базы. Ситуация усугублялась отсутствием достаточной материальной базы, включая здания и помещения.

Инфраструктурный каркас городов не обеспечивал многих базовых потребностей населения и экономики. Транспортная связность территорий носила сезонный характер из-за относительной немногочисленности стационарных мостов. Санитарное состояние городов нередко было неудовлетворительным. Имела место проблема слабой защищенности городской среды от пожаров. Медицинские, социальные и правоохранительные институты государства в городе находились на стадии становления.

Комплекс этих факторов сформировал объективный запрос на реформы Екатерины II, целью которых стало не просто улучшение управления, а фактическое преобразование города на регулярных началах, превращение его в упорядоченный административный, хозяйственный и культурный центр современного типа.

Историческая ретроспектива позволяет увидеть, что инфраструктурная уязвимость, слабость институтов местного управления и функциональная неопределённость городов – не новые явления, а устойчивые структурные характеристики российских малых городов. Это подчеркивает необходимость глубинного изучения исторических параллелей при внедрении современного стандартизированного инструментария стратегирования, а также институционализации подходов в рамках реализации стратегии пространственного развития России и ее плана реализации.

Историческая реконструкция городской проблематики XVIII века показывает, что современные малые города России находятся в состоянии институциональной инерции, сформировавшейся на протяжении нескольких циклов государственного строительства и экономического развития. Слабость административной емкости, инфраструктурные долги, зависимость от внешнего управления и невысокая экономическая диверсификация – характеристики, имеющие глубокие исторические корни. Именно поэтому даже для современных малых городских поселений критически важны стандартизированные инструменты стратегирования, позволяющие преодолевать длительную историческую петлю институциональных ограничений.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках государственного задания Правительства РФ Финансовому университету на 2026 год.

The research was supported by the state assignment of the Government of the Russian Federation to the Financial University for 2026.

Литература

- Акельев, 2012** – Акельев Е.В. Повседневная жизнь воровского мира Москвы во времена Ваньки Каина. М., 2012.
- Александров, 1879** – Александров Г.Н. К столетнему юбилею Московского дворянского клуба // Русский архив. Т. 4. 1879. С. 523-524.
- Андреев, 2003** – Андреев Н.В. Методология и история отечественной историографии развития городов и городского хозяйства России последней четверти XVIII – первой половины XIX в. Екатеринбург; Пермь, 2003.
- Анисимов, 2006** – Анисимов Е.В. Реформы Екатерины II / Власть и реформы: от самодержавной к Советской России. М., 2006. С. 150-174.
- Ассонов, 1911** – Ассонов В.И. К истории театра в Калуге // Известия Калужской ученой архивной комиссии. Вып. XXI. Калуга, 1911. С. 56-69.
- Герман, 1808** – Герман К.Ф. Статистическое описание Ярославской губернии, сочиненное Карлом Германом. СПб.: Императорская Академия наук, 1808.
- Гернет, 1951** – Гернет М.Н. История царской тюрьмы. М., 1951.
- Голубев, 1884** – Голубев А.А. Сыскай приказ. Общественный быт и судопроизводство: по документам Московского архива Министерства юстиции. М.: Типография Л.Ф. Снегирева, 1884.
- Градостроительство..., 2011** – Градостроительство Сибири. СПб., 2011.
- Григорьев, 1910** – Григорьев В. Реформа местного управления при Екатерине II: (Учреждение о губерниях 7 ноября 1775 г.). СПб.: Русская скоропечатня, 1910.
- Дитятин, 1875** – Дитятин И.И. Устройство и управление городов России. СПб., 1875.
- Закурдаев, 2013** – Закурдаев И.В. Владимирский централ: история Владимирской тюрьмы. М., 2013.
- Истомина, 1972** – Истомина Э.Г. Границы, население, города Новгородской губернии (1727–1917 гг.): очерки по административно-территориальному делению. Новгород, 1972.
- Каменский, 2003** – Каменский А.Б. Центральное и местное управление и территориальное устройство в контексте реформ XVIII века / Административно-территориальное устройство России. История и современность. М., 2003. С. 88-92.
- Кизеветтер, 1909** – Кизеветтер А.А. Городовое положение Екатерины II 1785 г.: опыт ист. комментария. М., 1909.
- Кириллов, 1980** – Кириллов В.В. Архитектура и градостроительство Подмосковья (картина развития с XIV в. до 1917 г.) // Русский город. М., 1980. Вып. 3. С. 120-132.
- Клокман, 1960** – Клокман Ю.Р. Очерки социально-экономической истории городов северо-запада России в середине XVIII в. М., 1960.
- Клокман, 1967** – Клокман Ю.Р. Социально-экономическая история русского города, вторая половина XVIII века. М., 1967.
- Козлова, 2010** – Козлова Н.В. Люди дряхлые, больные, убогие в Москве XVIII века. М., 2010.
- Куприянов, 2007** – Куприянов А.И. Городская культура русской провинции, конец XVIII – первая половина XIX века. М., 2007.
- Малиновский, 1992** – Малиновский А.Ф. Обозрение Москвы. М., 1992.
- Миненко и др., 2006** – Миненко Н.А., Апкаримова Е.Ю., Голикова С.В. Повседневная жизнь уральского города в XVIII – начале XX века. М., 2006.
- Миронов, 1990** – Миронов Б.Н. Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990.
- Морозов, 2012** – Морозов А.Ю. Самоуправление в Российской империи на стыке власти и общества / Территория и власть в новой и новейшей истории Российского государства. М., 2012. С. 83-91.
- Писарькова, 2007** – Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: эволюция бюрократической системы. М., 2007.
- Пухов, 2015** – Пухов В.А. История города Калуги. Калуга, 2015.
- Разгон, 1999** – Разгон В.Н. Сибирское купечество в XVIII – первой половине XIX в. Барнаул, 1999.
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов.
- Рындзюнский, 1958a** – Рындзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958.
- Рындзюнский, 1958b** – Рындзюнский П.Г. Новые города России в конце XVIII в. / Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран: сборник статей к 70-летию акад. М.Н. Тихомирова. М., 1958. С. 359-370.
- Рындзюнский, 1976** – Рындзюнский П.Г. Основные факторы горообразования в России второй половины XVIII в. // Русский город. М., 1976. Вып. 1. С. 105-127.
- Симонова, 2005** – Симонова Е.В. Провинциальные города Тульской губернии в XIX веке. Тула, 2005.
- Скубневский, Гончаров, 2003** – Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Барнаул, 2003.

- Сытин, 1952 – Сытин П.В. Из истории московских улиц: (очерки). Изд. 2-е, пересмотр. и доп. М., 1952.
- Сытин, 1954 – Сытин П.В. История планировки и застройки Москвы: материалы и исследования. М., 1954.
- Тиц, 1969 – Тиц А.А. По окраинным землям владимирским (Вязники, Мстера, Гороховец). М., 1969.
- Федотова, 1987 – Федотова Т.П. Вокруг Ростова Великого. М., 1987.
- Четырина, 2006 – Четырина Н.А. Сергиевский посад в конце XVIII – начале XIX вв.: (посад как тип городского поселения). М.; СПб., 2006.
- Юркина, 2004 – Юркина О.Г. Понятие «сибирская слобода» в отечественной историографии / *Политология и политический процесс: сборник статей*. Барнаул, 2004. С. 129-133.

References

- Akel'ev, 2012 – Akel'ev, E.V. (2012). Povsednevnyaya zhizn' vorovskogo mira Moskvy vo vremena Van'ki Kaina [Everyday life of the Moscow criminal world in the times of Vanka Kain]. M. [in Russian]
- Aleksandrov, 1879 – Aleksandrov, G.N. (1879). K stoletnemu yubileyu Moskovskogo dvoryanskogo kluba [On the centenary of the Moscow Nobility Club]. *Russkiy arhiv*. 4: 523-524. [in Russian]
- Andreev, 2003 – Andreev, N.V. (2003). Metodologiya i istoriya otechestvennoy istoriografii razvitiya gorodov i gorodskogo khozyaystva Rossii posledney chetverti XVIII – pervoy poloviny XIX v. [Methodology and history of domestic historiography of the development of cities and urban economy in Russia in the last quarter of the 18th – first half of the 19th century]. Ekaterinburg; Perm'. [in Russian]
- Anisimov, 2006 – Anisimov, E.V. (2006). Reformy Ekateriny II [Reforms of Catherine II]. *Vlast' i reformy: ot samoderzhavnoy k Sovetskoy Rossii*. Pp. 150-174. M. [in Russian]
- Assonov, 1911 – Assonov, V.I. (1911). K istorii teatra v Kaluge [On the history of the theater in Kaluga]. *Izvestiya Kaluzhskoy uchenoy arhivnoy komissii*. XXI: 56-69. [in Russian]
- Chetyrina, 2006 – Chetyrina, N.A. (2006). Sergievskiy posad v kontse XVIII – nachale XIX vv.: (posad kak tip gorodskogo poseleniya) [Sergiev Posad in the late 18th – early 19th centuries: (posad as a type of urban settlement)]. M.; SPb. [in Russian]
- Dityatin, 1875 – Dityatin, I.I. (1875). Ustroystvo i upravlenie gorodov Rossii [Organization and administration of cities in Russia]. SPb. [in Russian]
- Fedotova, 1987 – Fedotova, T.P. (1987). Vokrug Rostova Velikogo [Around Rostov the Great]. M. [in Russian]
- German, 1808 – German, K.F. (1808). Statisticheskoe opisanie Yaroslavskoy gubernii, sochinennoe Karlom Germanom [Statistical description of the Yaroslavl province, composed by Karl German]. SPb. [in Russian]
- Gernet, 1951 – Gernet, M.N. (1951). Istoriya tsarskoy tyur'my [History of the tsarist prison]. M. [in Russian]
- Golubev, 1884 – Golubev, A.A. (1884). Sysknoy prikaz. Obshchestvennyy byt i sudoproizvodstvo: po dokumentam Moskovskogo arhiva Ministerstva yustitsii [Investigation Order. Social life and judicial proceedings: according to documents of the Moscow Archive of the Ministry of justice]. M. [in Russian]
- Gradostroitel'stvo Sibiri, 2011 – Gradostroitel'stvo Sibiri [Urban planning of Siberia]. SPb. 2011. [in Russian]
- Grigor'ev, 1910 – Grigor'ev, V. (1910). Reforma mestnogo upravleniya pri Ekaterine II: (Uchrezhdenie o guberniyah 7 noyabrya 1775 g.) [Reform of local government under Catherine II: (Institution of provinces November 7, 1775)]. SPb. [in Russian]
- Istomina, 1972 – Istomina, E.G. (1972). Granitsy, naselenie, goroda Novgorodskoy gubernii (1727–1917 gg.): ocherki po administrativno-territorial'nomu deleniyu [Borders, population, cities of the Novgorod province (1727–1917): essays on administrative-territorial division]. Novgorod. [in Russian]
- Kamenskiy, 2003 – Kamenskiy, A.B. (2003). Tsentral'noe i mestnoe upravlenie i territorial'noe ustroystvo v kontekste reform XVIII veka [Central and local administration and territorial structure in the context of 18th-century reforms]. *Administrativno-territorial'noe ustroystvo Rossii. Istoriya i sovremennost'*. Pp. 88-92. M. [in Russian]
- Kirillov, 1980 – Kirillov, V.V. (1980). Arhitektura i gradostroitel'stvo Podmoskov'ya (kartina razvitiya s XIV v. do 1917 g.) [Architecture and urban planning of the Moscow region (a picture of development from the 14th century to 1917)]. *Russkiy gorod*. 3: 120-132. M. [in Russian]
- Kizevetter, 1909 – Kizevetter, A.A. (1909). Gorodovoe polozhenie Ekateriny II 1785 g.: opyt ist. kommentariya [City regulation of Catherine II 1785: experience of historical commentary]. M. [in Russian]
- Klokman, 1960 – Klokman, Yu.R. (1960). Ocherki sotsial'no-ekonomicheskoy istorii gorodov severozapada Rossii v seredine XVIII v. [Essays on the socio-economic history of cities in north-western Russia in the middle of the 18th century]. M. [in Russian]
- Klokman, 1967 – Klokman, Yu.R. (1967). Sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya russkogo goroda, vtoraya polovina XVIII veka [Socio-economic history of the Russian city, second half of the 18th century]. M. [in Russian]

- Kozlova, 2010** – *Kozlova, N.V.* (2010). Lyudi dryahlye, bol'nye, ubogie v Moskve XVIII veka [Decrepit, sick, wretched people in Moscow of the 18th century]. M. [in Russian]
- Kupriyanov, 2007** – *Kupriyanov, A.I.* (2007). Gorodskaya kul'tura russkoy provintsii, konets XVIII – pervaya polovina XIX veka [Urban culture of the Russian province, late 18th – first half of the 19th centuries]. M. [in Russian]
- Malinovskiy, 1992** – *Malinovskiy, A.F.* (1992). Obozrenie Moskvy [Review of Moscow]. M. [in Russian]
- Minenko i dr., 2006** – *Minenko, N.A., Apkarimova, E.Yu., Golikova, S.V.* (2006). Povsednevnyaya zhizn' ural'skogo goroda v XVIII – nachale XX veka [Everyday life of the Ural city in the 18th – early 20th centuries]. M. [in Russian]
- Mironov, 1990** – *Mironov, B.N.* (1990). Russkiy gorod v 1740–1860-e gody: demograficheskoe, sotsial'noe i ekonomicheskoe razvitiye [Russian city in the 1740–1860s: demographic, social and economic development]. Leningrad. [in Russian]
- Morozov, 2012** – *Morozov, A.Yu.* (2012). Samoupravlenie v Rossiyskoy imperii na styke vlasti i obshchestva [Self-government in the Russian Empire at the junction of power and society]. *Territoriya i vlast' v novoy i noveyshey istorii Rossiyskogo gosudarstva*. Pp. 83-91. M. [in Russian]
- Pisar'kova, 2007** – *Pisar'kova, L.F.* (2007). Gosudarstvennoe upravlenie Rossii s kontsa XVII do kontsa XVIII veka: evolyutsiya byurokraticheskoy sistemy [State administration of Russia from the late 17th to the late 18th century: evolution of the bureaucratic system]. M. [in Russian]
- Puhov, 2015** – *Puhov, V.A.* (2015). Istoriya goroda Kalugi [History of the city of Kaluga]. Kaluga. [in Russian]
- Razgon, 1999** – *Razgon, V.N.* (1999). Sibirskoe kupechestvo v XVIII – pervoy polovine XIX v. [Siberian merchants in the 18th – first half of the 19th century]. Barnaul. [in Russian]
- RGADA** – Rossiyskiy gosudarstvennyy arhiv drevnih aktov [Russian State Archive of Ancient Acts].
- Ryndzyunskiy, 1958a** – *Ryndzyunskiy, P.G.* (1958). Gorodskoe grazhdanstvo doreformennoy Rossii [Urban citizenship of pre-reform Russia]. M. [in Russian]
- Ryndzyunskiy, 1958b** – *Ryndzyunskiy, P.G.* (1958). Novye goroda Rossii v kontse XVIII v. [New cities of Russia in the late 18th century]. *Problemy obshchestvenno-politicheskoy istorii Rossii i slavyanskikh stran*. Pp. 359-370. M. [in Russian]
- Ryndzyunskiy, 1976** – *Ryndzyunskiy, P.G.* (1976). Osnovnye faktory gorodoobrazovaniya v Rossii vtoroy poloviny XVIII v. [Main factors of city formation in Russia in the second half of the 18th century]. *Russkiy gorod*. 1: 105-127. M. [in Russian]
- Simonova, 2005** – *Simonova, E.V.* (2005). Provintsial'nye goroda Tul'skoy gubernii v XIX veke [Provincial cities of the Tula province in the 19th century]. Tula. [in Russian]
- Skubnevskiy, Goncharov, 2003** – *Skubnevskiy, V.A., Goncharov, Yu.M.* (2003). Goroda Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [Cities of Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Barnaul. [in Russian]
- Sytin, 1952** – *Sytin, P.V.* (1952). Iz istorii moskovskikh ulits: (ocherki) [From the history of Moscow streets: (essays)]. M. [in Russian]
- Sytin, 1954** – *Sytin, P.V.* (1954). Istoriya planirovki i zastroyki Moskvy: materialy i issledovaniya [History of planning and building of Moscow: materials and research]. M. [in Russian]
- Tits, 1969** – *Tits, A.A.* (1969). Po okrainnym zemlyam vladimirskim (Vyazniki, Mstera, Gorohovets) [Along the outskirts of Vladimir lands (Vyazniki, Mstera, Gorokhovets)]. M. [in Russian]
- Yurkina, 2004** – *Yurkina, O.G.* (2004). Ponyatie «sibirskaya sloboda» v otechestvennoy istoriografii [The concept of "Siberian sloboda" in domestic historiography]. In: *Politologiya i politicheskii protsess*. Pp. 129-133. Barnaul. [in Russian]
- Zakurdaev, 2013** – *Zakurdaev, I.V.* (2013). Vladimirskiy tsentral: istoriya Vladimirskoy tyur'my [Vladimir Central: history of the Vladimir prison]. M. [in Russian]

Проблемные аспекты развития инфраструктуры и административного устройства городов Центральной России в преддверии екатерининских реформ

Павел Сергеевич Селезнев ^{a, *}, Семен Алексеевич Вуйменков ^a, Валерий Николаевич Белик ^a

^a Финансовый университет при Правительстве РФ, Российская Федерация

Аннотация. Представленная работа посвящена анализу состояния инфраструктуры и системы административного устройства городов Центральной России в середине XVIII в., накануне масштабных преобразований Екатерины II. В исследовании применяются элементы сравнительного,

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: pseleznev@fa.ru (П.С. Селезнев), savujmenkov@fa.ru (С.А. Вуйменков), vnbelik@fa.ru (В.Н. Белик)

структурного и дескриптивного анализа, а источниковая база сформирована за счёт привлечения ранее не опубликованных материалов РГАДА. Полученные данные позволяют рассматривать развитие малых и средних городов данного периода через призму институциональной инерции и зависимости от предшествующего пути, что согласуется с современными подходами институциональной теории. Показано, что к началу 1760-х гг. города проходили сложный процесс трансформации, обусловленный долгосрочными последствиями социально-экономических и административных реформ Петровской эпохи, а также более широкими циклами урбанизации и государственного строительства, характерными для России XVIII столетия. Города постепенно утрачивают статус инструментов военно-политического контроля и начинают формироваться как административные центры, однако процесс их институционального созревания остаётся незавершённым. Существенные инфраструктурные ограничения, кадровый дефицит и слабость управленческих институтов препятствуют решению базовых задач городского управления: демонтажу утративших функционал оборонительных сооружений, развитию транспортной и социальной инфраструктуры, модернизации систем противопожарной защиты и обеспечения правопорядка. Работа показывает, что кризис городской среды носил системный и структурный характер, во многом predetermined накоплением институциональных дисфункций и несоответствием городских институтов новым экономическим и пространственным реалиям. Это делает оправданным проведение радикальной губернской реформы 1775 г., направленной на преодоление накопленной институциональной инерции. В более широком контексте результаты исследования позволяют выявить исторические параллели с современными проблемами малых городов России: ограниченной административной емкостью, фрагментарностью инфраструктуры, функциональной неопределённостью и демографической уязвимостью – характеристиками, которые и сегодня фиксируются современными методиками анализа городской динамики.

Ключевые слова: малые города, Центральная Россия, XVIII в., Екатерина II, инфраструктура, административное устройство, институциональная инерция, экономические циклы, пространственное развитие, предшествующий путь.